

Исрапилова Элина Мусаевна

Магистрант НАЧОУ ВПО СГА

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

Актуальные проблемы отграничения вооруженного группового разбоя от бандитизма

Аннотация. Статья посвящена выявлению актуальных в теории и правоприменительной практике вопросов разграничения разбоя и бандитизма. Автором проведен анализ основных положений науки уголовного права и материалов судебно-следственной практики. На основе проведенного анализа определены основные признаки, по которым можно квалифицировать деяние именно как вооруженный групповой разбой, а не как бандитизм.

Ключевые слова: бандитизм, разбой, хищение, организованная группа, насильственные преступления.

В теории и следственно-судебной практики возникает достаточно много сложных вопросов, связанных с отграничением разбоя от смежных составов преступлений, в результате чего имеют место переквалификация соответствующих общественно опасных деяний. В частности, дискуссионным в теории и практике уже длительное время остается вопрос о соотношении вооруженного разбоя, совершенного организованной группой (п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ) и бандитизма (ст. 209 УК РФ). Сложность состоит в том, что и указанный вид разбоя, и бандитизм обладают некоторыми сходными признаками. Это нападение на граждан или организации, связанное с применением насилия или угрозой его применения. Банда и вооруженная организованная группа, совершающая разбой, обладают устойчивостью и предварительной объединенностью для совершения преступлений. Сходство

еще и в вооруженности, как банды, так и организованной группы, совершающей разбой.

В уголовно-правовой литературе можно встретить мнение, что грань между разбоем и бандитизмом стирается, если разбой совершает организованная группа, оснащенная оружием. В такой ситуации разграничить банду и вооруженную организованную группу, совершающие разбойные нападения, как полагает С. Кочои и целый ряд других авторов, совершенно невозможно [5, с. 231]. Поэтому если вооруженная устойчивая группа лиц совершает нападение в целях хищения чужого имущества с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, либо с угрозой его применения, то такие действия виновных необходимо квалифицировать по совокупности преступлений (разбой и бандитизм). По этому пути идет и судебная практика [3].

В противовес сложившемуся подходу Р. Галиакбаров полагает, что разбой отличается от бандитизма по таким признакам, как объект преступного посягательства, использование оружия при разбое по назначению, его применение в ходе нападения, наличие корыстной цели (в то время как при бандитизме лица преследуют цель нападения на граждан или организации), банда относится к разновидности преступного сообщества и т.д. [4, с. 56–57]. Между тем, предлагаемые признаки разграничения малосущественны (нет определяющего элемента) и, как представляется, на основании их невозможно однозначно отграничить разбой от бандитизма.

В.В. Хилюта в статье, непосредственно посвященной анализируемой проблеме, считает, что как разбой, совершенный организованной группой, вооруженное нападение должно квалифицироваться лишь тогда, когда установлено, что организованная группа была создана и действовала не с целью совершения нападений на предприятия, учреждения, организации или на граждан, а для совершения иных преступлений (контрабанды, похищения транспорта, подделки денег и т. п.), т. е. когда организованная группа не была бандой и разбой был лишь одним из эпизодов в ее деятельности. В то же время

автор ставит под сомнение обоснованность квалификации по совокупности бандитизма и разбоя, если все обязательные признаки бандитизма, закрепленные в УК РФ, полностью совпадают с такими признаками разбоя, как организованная группа, вооруженность, нападение. И как вывод ставится вопрос об исключении состава бандитизма из уголовного закона [7, с. 42–43].

В ответ В.В. Хилюте А.Н. Мондохонов предлагает свое видение поднятой проблемы квалификации. Автор выделяет ряд следующих моментов, которые следует учитывать при решении проблемы разграничения разбоя и бандитизма [6, с. 36–38].

Во-первых, автор соглашается с тем положением, что оружием могут обладать члены организованной группы, деятельность которой далека от насильственных преступлений (незаконная предпринимательская деятельность, контрабанда). Если такая группа или отдельные ее члены ситуационно совершают вооруженный разбой, то это само по себе не свидетельствует о ее перерождении в банду. Однако в таком рассуждении, по мнению А.Н. Мондохонова, В.В. Хилюта не учитывает, что диспозиция ст. 209 УК РФ содержит цель нападений на граждан или организации, а не цель совершения насильственных преступлений. В этом случае правоприменителю необходимо четко знать, какие составы преступлений относить к категории насильственных. Будут ли это побои, истязания, вымогательства, грабежи с применением насилия, изнасилования и т. д.? Какую деятельность следует признавать далекой от насильственных преступлений, а какую – близкой к ним? А.Н. Мондохонов полагает, что из действующего уголовного закона следует, что насильственные преступления должны характеризоваться как нападение, т.е. действия, направленные на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшими либо создания реальной угрозы его немедленного применения [2, п. 6].

Во-вторых, возникает вопрос, сколько раз и в течение какого периода разбой может признаваться совершенным ситуационно и выступать лишь в качестве одного из эпизодов преступной деятельности организованной группы?

А если таких разбоев будет два или в течение года организованная группа совершит пять эпизодов хищения автотранспорта, четыре эпизода вымогательства, три эпизода вооруженного разбоя и три эпизода изнасилования? Какова будет направленность преступной деятельности такой организованной группы? Будет ли направленность группы зависеть от количества эпизодов? А.Н. Мондохонов высказывает предположение, что предлагаемый критерий вряд ли является универсальным для правоприменителя.

Третий момент связан с особенностями составов рассматриваемых преступлений. Как верно заметил В.В. Хилюта, состав преступления, предусмотренный ст. 209 УК РФ, предусматривает ответственность за сам факт создания банды, руководства ею или участия в ней, но не предусматривает ответственность за совершение иных преступлений (т.е. бандитизм не предполагает наступления определенных последствий), поэтому совершение участником преступной организации конкретных преступлений квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных составом бандитизма и соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Таким образом, законодатель отмечает повышенную общественную опасность создания и руководства устойчивой вооруженной группой (бандой), а также участия в ней как разновидности организованной группы. Однако у В.В. Хилюты возникает вопрос: есть ли основания для квалификации по совокупности бандитизма и разбоя, если все обязательные признаки бандитизма, закрепленные в УК РФ, полностью совпадают с такими признаками разбоя, как организованная группа, вооруженность, нападение?

А.Н. Мондохонов при рассмотрении этого вопроса предлагает учитывать, что в указанных составах преступлений по-разному расставлены акценты. В частности, если в п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ основной акцент сделан в первую очередь на нападение как действие, то в ст. 209 УК РФ внимание правоприменителя акцентируется на повышенной общественной опасности действий по созданию организованного преступного формирования – банды.

Поэтому стоит согласиться с авторами, полагающими, что основания для квалификации по совокупности бандитизма и вооруженного разбоя все-таки есть. Другой вопрос, нужен ли квалифицирующий признак «организованная группа» в статьях Особенной части УК РФ в нынешнем виде?

Не вдаваясь глубоко в суть данной проблемы, стоит отметить, что сегодня действительно необходимы кардинальные изменения уголовного закона в части регламентирования ответственности за совершение преступлений в составе организованной группы, а именно исключение из составов преступлений особенной части квалифицирующего признака «организованной группой» и криминализация создания, руководства или участия в организованной группе, в том числе вооруженной (банды). Тем самым, будет снята с повестки дня проблема разграничения разбоя и бандитизма.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 22.12.2014) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; Российская газета. 2014. № 293.
2. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 17.01.1997 № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Бюллетень Верховного суда РФ. 1997. № 3.
3. Обзор законодательства и судебной практики Верховного суда Российской Федерации за четвертый квартал 2002 года // Бюллетень Верховного суда РФ. 2003. № 7.
4. Галиакбаров Р. Разграничение разбоя и бандитизма // Российская юстиция. 2001. № 7.
5. Кочои С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М.: Профобразование, 2000.
6. Мондохонов А.Н. Создание, руководство и участие в организованной группе // Законность. 2012. № 10.

7. Хилота В.В. Как разграничить разбой и бандитизм? // Законность.
2012. № 3.

© Бюллетень магистранта 2015 год № 1